



Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).



Въ 17-го мы почти не двигались изъ нашего лагеря. Санитарное состояніе войскъ съ каждымъ днемъ становилось печальнѣе: войска начали страдать отъ перенесенныхъ ими на „холодной горѣ“ лишеній, случаи диссентеріи участились, и наши ноги, размягченныя отдыхомъ и тепломъ, начали пухнуть отъ прежнихъ сыростей и морозовъ.

Больше половины моего баталіона прошло черезъ эти новыя и мучительныя испытанія; по всему лагерю только и были видны несчастные люди, которые со стономъ влачили на четверенькахъ, не будучи въ состояніи стоять на своихъ отмороженныхъ, покрытыхъ нарывами ногахъ.

Я имѣлъ также свою долю страданій. Правда, у насъ были доктора, но аптека не была достаточно оборудована для столькихъ несчастныхъ и вмѣсто лекарства имъ прикладывали только коровій калъ.

Покоемъ и хорошей пищей надѣялись мы замѣнить лекарства. Каждый солдатъ получалъ свѣжее мясо и приправой къ супу служилъ дикій цикорій (способствующій очищенію крови), который мы находили и собирали въ изобиліи. Каждый день мы высылали незначительные отряды, вооруженные и обезпеченные отъ всякой опасности, для изслѣдованія мѣстности и сбора этого драгоцѣннаго растенія.

21-го у насъ въ лагерѣ была тревога, вызванная дальней канонадой. Оказалось, что было дѣло у кн. Бебутова, слѣдовавшаго со вторымъ транспортомъ изъ Андіи. Конный непріятельскій отрядъ Хаджи-Мурата, воспользовавшись густымъ туманомъ, незамѣтно

приблизился и бросился на часть колонны, которая шла въ безпорядкѣ. Одно время самъ генералъ былъ въ опасности. 30 человекъ нашихъ, по большей части больныхъ, были изрублены, и непріятель отошелъ, потерявъ 10 человекъ своихъ ¹⁾.

Отъ этой колонны мы получили первыя извѣстія изъ Андіи. При этой колоннѣ находился гробъ поручика *Маевского*, моего товарища по Пажескому корпусу. Между пажами онъ выдѣлялся свѣтлой и умной головой, многообѣщающими способностями; оставаясь въ живыхъ, онъ бы выдѣлился на Кавказѣ. Какъ многіе другіе, Маевскій былъ преданъ душой и тѣломъ Кавказу, бывшему для него единой надеждой, но наступила смерть. Смерть!.. Всегда смерть!.. На Кавказѣ она—направо и налѣво, спереди и сзади; пуля, вамъ предначертанная, поражаетъ васъ въ бою, также во время сна, снарядъ поражаетъ васъ за столомъ, со стаканомъ въ рукѣ, также, какъ и во время приступа. „Смерть завсегда подлѣ ходить“, какъ говорятъ казаки.

Спасаетъ васъ обыкновенно рядъ незначительныхъ случайностей, но въ тотъ день—эта счастливая случайность замедлитъ; когда этой случайности нѣтъ въ данную минуту, то смерть мгновенно уноситъ свою добычу. Называя это обстоятельство случаемъ, я знаю, что я неправильно обозначаю испытываемое чувство, но на Кавказѣ, гдѣ такъ сильна вѣра въ предопредѣленіе, невозможно отрѣшиться отъ извѣстной доли фатализма.

Фатализмъ отвѣчаетъ этимъ человѣческимъ массамъ, живущимъ бѣльшей частью интересами минуты; онъ исключаетъ всѣ другія мысли и заботы и не одному солдату помѣшалъ онъ отступить передъ опасностью.

Между туземцами Кавказа не мало христіанскихъ народностей, и мы собственно и начали воевать для святаго дѣла освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига. На Кавказѣ христіанство весьма древняго происхожденія, но сквозь десять вѣковъ притѣсненія и варварства эти бѣдняги могли сохранить лишь внѣшнюю сторону,—формы, обряды и обычаи, и эта къ нимъ приверженность въ несчастіи большая заслуга народа и даетъ ему ореолъ славы. Въ лучшія времена на нихъ прольется истинный свѣтъ, божественная правда, милость и надежда.

Съ другой стороны, исламизмъ на Кавказѣ моложе и болѣе по-

¹⁾ Все дѣло и здѣсь спасли тѣ же незамѣнимые Кабардинцы, бывшіе въ составѣ прикрытія; оплошности службы проявляли только войска 5-го корпуса, пришедшаго изъ Россіи, которыя до тѣхъ поръ готовились только къ смотрамъ.

нятенъ странѣ, гдѣ все дышетъ войной, а потому онъ принялъ характеръ завоеванія и полонъ могучей энергіи. Евангеліе почти незнакомо мингрельцу или осетину, зато слова Корана составляютъ науку и предметъ размышленія всякаго послѣдователя Магомета; принципы, вытекающіе изъ Корана, слились съ обыденной жизнью этихъ народовъ, и импульсъ, сообщаемый ими уму, господствуетъ въ такой степени, что реагируетъ даже на насъ, вотъ, между прочимъ, откуда вытекаетъ и нашъ фатализмъ ¹⁾.

Благодаря привычкѣ къ вѣчно повторяющейся опасности, картина смерти стала совершенно обыденной и постоянно представляется уму тѣхъ, кто давно живетъ на Кавказѣ. Для тѣхъ же, кто тамъ родился,—смерть сосѣдка и, когда она является, то почти-что не тревожитъ того, кого подкашиваетъ, а для тѣхъ, кто видитъ, какъ умираютъ,—смерть простой случай. Когда казакъ—туземецъ бываетъ убитъ въ перестрѣлкѣ, то надъ нимъ немного повоюютъ старыя казачки, а молодыя—пошлютъ проклятіе „некрещеному“ убійцѣ своего возлюбленнаго, но въ станицѣ столько другихъ и такихъ красавцевъ, что онѣ быстро утѣшаются между вчерашней и завтрашней боевой тревогой.

Что касается до мертвеца, то въ его честь пострѣляютъ изъ ружей,—это музыка, при которой онъ впервые увидѣлъ день, подъ звуки которой онъ рѣзвился ребенкомъ, подъ ту же музыку онъ ухаживалъ, этой же музыкой привѣтствовали его друзья день его свадьбы, она сопровождала его въ бою, и она же наконецъ вторила надгробной по немъ пѣснѣ. Для казака выстрѣлъ изъ винтовки то же самое, что большая тунга кахетинскаго вина для лѣниваго жителя благословенной Грузіи. Какой бы ни представился случай, и каково бы ни было расположеніе духа, одинъ стрѣляетъ, а другой предается Бахусу.

Мысль о смерти зачастую представляется въ видѣ шутки. Помню, какъ, однажды, Фрейтагъ выслушивалъ сообщеніе лазутчика, когда я вошелъ къ нему въ палатку; взглянувъ на меня, чеченецъ расхохотался, а когда я спросилъ его о причинѣ его смѣха, то онъ отвѣтилъ мнѣ пренаивно, что онъ въ это же утро забавлялся тѣмъ, что далъ по мнѣ три выстрѣла, ни разу не понавъ, и что теперь ему смѣшно меня видѣть.

Примѣрно въ то же время, при вѣздѣ въ одну разрушенную

¹⁾ Также весьма интересное наблюденіе и заключеніе и, насколько сильно прививалось и намъ ученіе о предопредѣленіи, видно изъ сюжетовъ поэзіи Лермонтова, напримѣръ—объясненіе Максима Максимовича или „Фаталисть“ изъ „Героя нашего времени“.

деревню на Качкалыкскомъ хребтѣ, мнѣ донесли, что замѣтили домашній скоть, и мнѣ сейчасъ же стало ясно, что представился хорошій случай захватить кой-кого, такъ какъ я зналъ, что разбойники-чеченцы имѣли привычку укрываться здѣсь съ захваченной ими добычей. Я сейчасъ же выслалъ нѣсколько разъѣздовъ линейцевъ съ цѣлью ихъ захвата, а вслѣдъ за тѣмъ и вскорѣ услышалъ выстрѣлы, на которые и поскакалъ и, можетъ быть, минутъ черезъ пять по высылкѣ моихъ казаковъ, очутился у лачуги, передъ которой горѣлъ большой костеръ. Казаки уже сдѣлали свое дѣло: три совершенно обобранныхъ трупа лежали на землѣ, а мои молодцы доѣдали угощеніе, среди котораго они прервали тѣхъ, кого они такъ быстро спровадили на тотъ свѣтъ.

И все это происходило при громкомъ смѣхѣ всей компаніи!..

Наши войска, менѣе привыкшія къ жестокимъ и воинственнымъ нравамъ и обычаямъ населенія Кавказа, встрѣчаютъ смерть съ несравненно меньшимъ хладнокровіемъ. Помнится, что въ тотъ же день пришлось мнѣ вести въ огонь сотню Донскаго казачьяго № 42-го полка: нѣсколько казаковъ упало, и я видѣлъ, какъ вытянулись лица ихъ товарищей. Чтобы развеселить людей, я приказалъ запѣвалъ Николаеву затянуть пѣсню, но мнѣ отвѣтили тягостнымъ молчаніемъ; я повторилъ приказаніе, и тогда старшій урядникъ доложилъ мнѣ вполголоса: „Николаева нѣтъ“!

Не трудно было понять, по его поблѣднѣвшему лицу, что онъ хотѣлъ выразить этимъ своимъ—„Николаева—нѣтъ!“ . Но нельзя было и казаковъ предоставить впечатлѣніямъ подобнаго рода, потому я изъ всѣхъ силъ крикнулъ: „слѣдующій“! Это подѣйствовало, они поняли, что на войнѣ излишняя чувствительность неумѣстна, и заорали во всю глотку: „Грянули чада тихаго Дона“!

Главные силы, которыя все еще занимали Андію, нуждались въ продовольствіи. Чиркей былъ богатъ продовольствіемъ, но находился въ 80-ти верстахъ горной, только для вьюковъ проходимою дорогою.

Нашъ обозъ сильно пострадалъ отъ дурной погоды, захватившей насъ еще въ началѣ кампаніи. Число вьючныхъ лошадей сократилось на половину, а оставшіяся были истощены и еле двигались.

28-го я получилъ приказаніе доставить транспортъ въ 500 лошадей, вмѣщавшій четырехдневное продовольствіе.

Для прикрытія транспорта мнѣ дали 6 ротъ пѣхоты, 2 орудія и 50 казаковъ. На войнѣ ничего нѣтъ непріятнѣе подобнаго рода порученій, такъ какъ тутъ не требуется ни сообразительности, ни храбрости, и все дѣло заключается лишь въ уклоненіи отъ боя и

избѣжаніи противника, о которомъ никогда не имѣешь никакихъ свѣдѣній.

Все сводится къ удачѣ, а такую нельзя заказать даже на Кавказѣ, гдѣ впрочемъ въ ней нѣтъ недостатка.

Въ данномъ случаѣ на меня была возложена огромная отвѣтственность, и если бы я встрѣтилъ противника въ превосходныхъ силахъ и онъ пожелалъ бы сразиться, то мнѣ не было никакой надежды на спасеніе, а если бы я не дошелъ,—отрядъ въ Андїи умеръ бы съ голода. Ставка была крупная на этомъ зеленомъ полѣ фортуны, но на войнѣ, гдѣ дѣло идетъ не о червонцахъ, а о людяхъ,—поручаешь себя Богу, а не случаю. Часто повторяешь себѣ: „я сдѣлаю, что только возможно, а тамъ—будь, что будетъ“ и это помогаетъ вести свою ладью.

Первый разъ въ жизни я былъ назначенъ капитаномъ столь значительнаго ищущаго приключеній корабля, и я былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ обрадованъ; къ счастью все обошлось благополучно.

Сорокъ часовъ спустя послѣ выступленія изъ Мичикале, я со всѣми моими людьми явился въ лагерь графа Воронцова. Спустя же 30 часовъ я уже нагналъ отрядъ полковника *Адлерберга* и былъ уже внѣ всякой опасности на остальное, въ 10 часовъ, время. Конные горцы провожали меня слѣва и перестрѣливались съ арріергардомъ, но серьезныхъ столкновеній не было. Покончивъ счеты съ непріателемъ, я долженъ былъ принять мѣры противъ своихъ. Я уже говорилъ, что въ лагерѣ была голодовка, въ особенности въ частяхъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, нижніе чины которыхъ еще не умѣли сами находить себѣ источники удовлетворенія своихъ нуждъ, на что были такъ искусны наши старые, кавказскіе ворчуны.

Достигнувъ лагеря въ *Тилитль*, я былъ осажденъ солдатами Житомирскаго полка, которые, повидимому, намѣревались разграбить порученный мнѣ транспортъ. Я хотѣлъ ихъ остановить, но они все продолжали подвигаться; пришлось, послѣ крѣпкихъ словъ, прибѣгнуть и къ крайнимъ средствамъ, и я противопоставилъ имъ одну изъ моихъ ротъ, съ приказаніемъ немедленно открыть огонь, если кто-нибудь изъ нихъ пошевелится. Этого было достаточно, бѣдняги вѣдь не бунтовали, а были только голодны, а противъ голода лучше всего дѣйствуетъ страхъ, и угроза прямо попадаетъ въ цѣль.

Мои доводы подѣйствовали и должно быть въ доказательство моей правоты они всѣ поснимали свои фуражки.

Оставивъ *Адлербергу* необходимое количество провіанта, я вступилъ въ Андїю.

Непонятно, почему долина эта считается красивой, въ ней нѣтъ никакой растительности, долина, гдѣ только камни и скалы и гдѣ рѣдкіе клочки земли требуютъ отъ жителей много труда, дабы сдѣлаться годными для культуры.

Всѣ размѣры въ этой долині такъ громадны, контуры горъ такъ красивы и такъ прихотливы, краски въ различные часы дня такъ ярки, такъ блестящи, что невозможно оставаться безмолвнымъ и равнодушнымъ передъ этой суровой и величественной природой.

Мы были поражены, насколько здѣсь все иначе, чѣмъ въ другихъ высокихъ горныхъ странахъ. Настоящая стѣна изъ скалъ, вертикальная и совершенно недоступная для всякаго живого существа, закрывала герметически долину Андій отъ Гумбета, который мы только что оставили.

На разстояніи 6-ти верстъ мы шли вдоль подножія этой природной стѣны; затѣмъ дорога поворачивала направо и круто спускалась на разстояніи добрыхъ трехъ верстъ.

Внизу находился лагерь—единственное оживленное мѣсто среди этой громады скалъ, утесовъ и каменныхъ обломковъ. Меня радостно встрѣтили, такъ же и я былъ радъ очутиться „въ большомъ свѣтѣ“.

На другой день, 1-го іюля, былъ день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы. Графъ Воронцовъ пожелалъ этотъ день отпраздновать. Подъ открытымъ небомъ, на обширномъ бугрѣ, возвышавшемся надъ лагеремъ, была отслужена обѣдня; войска стали кругомъ въ сомкнутыхъ колоннахъ; это было чудное зрѣлище, еще болѣе выигрывавшее отъ красоты утра и отъ величія горъ, служившихъ рамой всей этой картинѣ. Въ то же время, впервые, раздалось христіанское пѣніе тамъ, гдѣ царилъ нераздѣльно исламъ.

Всѣ были проникнуты созерцаніемъ этого зрѣлища. Чтобы придать зрѣлищу еще болѣе живописности и сообщить ему чисто мѣстный колоритъ (что здѣсь представляется на каждомъ шагу), въ то время, когда мы молились Богу, въ разстояніи отъ насъ не болѣе пушечнаго выстрѣла,—завязалась стычка у нашихъ фуражировъ и настолько близко отъ насъ, что мы могли слѣдить за всѣми ея подробностями; звуки ружейныхъ выстрѣловъ поминутно сливались съ церковнымъ пѣніемъ.

Послѣ божественной службы графъ Воронцовъ собственноручно раздавалъ почетные георгіевскіе кресты только-что пожалованнымъ кавалерамъ за дѣла 6-го и 14-го іюня. Мои куринцы составляли большинство. Бѣдному графу Воронцову пришлось принять безконечное число поцѣлуевъ и объятій, что, въ минуты сердечной солдатской радости, здѣсь неизбежно для начальника.

На войнѣ хорошія и дурныя минуты необыкновенно быстро слѣдуютъ одинъ за другими и колесо фортуны вертится быстро. 2-го іюля небольшой отрядъ въ составѣ карабинеръ (1-й роты) моего баталіона былъ высланъ на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря и наткнулся на лезгинъ, спрятавшихся при его приближеніи. Будучи открыты и атакованы, лезгины открыли огонь; мы лишились только одного человѣка и какъ разъ офицера, ведшаго отрядъ: онъ былъ очень молодъ, считался храбрѣйшимъ офицеромъ въ баталіонѣ, только-что получилъ чинъ за взятіе Анчимеера и былъ единственнымъ сыномъ бѣдной женщины, у которой никого болѣе не было близкихъ на свѣтѣ.

Сколько слезъ было пролито за его смертью! Мы всѣ много о немъ сожалѣли, такъ какъ онъ былъ очень любимъ и уважаемъ ¹⁾. На другой день мы предали землѣ его смертные останки при пѣніи „Со святыми упокой“, при барабанномъ боѣ и свистѣ пуль, какъ вообще водится на войнѣ; каждый изъ насъ подбросилъ шашкой земли въ его могилу, затѣмъ сгладили мѣсто, гдѣ его опустили въ землю, разложили здѣсь же еще и большой костеръ, чтобъ скрыть могилу отъ горцевъ, и такъ земля навѣки покрыла счастье бѣдной матери.

Мнѣ не было дано долго пользоваться шумной и веселой жизнью Главной квартиры ²⁾. Нашъ лагерь былъ расположенъ на склонѣ

¹⁾ Прапорщикъ *Канищевъ* блистательно распорядился съ 8 охотниками, двое горцевъ были убиты и нѣсколько ранены, но и самъ онъ былъ убитъ выстрѣломъ въ упоръ; случилось это дѣло 1-го іюля. Б. К.

²⁾ „Большой свѣтъ“, жившій шумной и веселой жизнью, о которомъ говоритъ Венкендорфъ и который онъ навѣщалъ, состоялъ изъ молодежи состава Главной квартиры, молодежи, правда, праздною, но очень порядочною, храброю, дружною и веселою въ самыя трудныя минуты: здѣсь судили и рядили, каламбурили, сочиняли стихи—*pièces des circonstances*, пѣли и попивали, пока было вино. Ядро этого кружка составили лица бывшаго штаба ген. Нейдгарда и старые кавказцы, а именно: князь *Ал. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ*, князь *Козловскій* и *Глѣбовъ* и къ нимъ примкнули адъютанты *Воронцова—Лонгиновъ* (вскорѣ убитый), князь *Серг. Илар. Васильчиковъ* и князь *Ревасъ Андрониковъ*, состоявшій при *Воронцовѣ* для порученій, *Мих. Павл. Щербининъ* и старые кавказцы: Ген. штаба капитанъ *Ал. Ник. Вережкинъ* и *Ник. Яков. Дружининъ*, генералъ *Безобразовъ*, университет. товарищъ *Дундукова* юнкеръ *Мельниковъ* (вскорѣ убитый), и ординарецъ *Лидерса*, веселый юнкеръ *Амосовъ*—поэтъ-импровизаторъ, вскорѣ раненый въ лицо и тутъ не переставшій шутить и каламбурить.

Остальныя лица штаба держали себя отдѣльно. Графъ *Воронцовъ* относился къ этому кружку безразлично, сужденія кружка не всегда, однако, ему нравились, но былъ доволенъ, видя веселый дугъ своей Главной квартиры и не сомнѣваясь въ отличной храбрости чиновъ ея.

По словамъ участника *барона Дельвига*, „все что было замѣчательно

довольно крутой горы, у подножія которой находился аулъ *Гогатл* на выступавшемъ впередъ мысѣ. Къ сторонѣ *Технуцала*, въ главной мечети селенія, единственномъ неразрушенномъ зданіи былъ помѣщенъ главный госпиталь отряда, а самое селеніе занято и обороняемо 3-мъ баталіономъ апшеронцевъ, подъ командой храбраго полковника *Познанскаго*.

Я получилъ приказаніе смѣнить его съ моими куринцами и принять общее командованіе этимъ, нами укрѣпленнымъ, пунктомъ. Назначеніе было почетное. Познанскому уже пришлось выдержать нѣсколько боевъ, и онъ оставилъ мнѣ на аванпостахъ, въ видѣ трофеевъ, три головы горцевъ, насаженные на колья, что должно было служить пугаломъ для нашихъ противниковъ.

Храбрый Познанскій тоже умеръ! Разставаясь съ нимъ въ *Гогатлѣ*, мы дружески пожали другъ другу руки, и больше я уже съ нимъ не встрѣчался; нѣсколько всего дней спустя онъ былъ убитъ

въ отрядѣ, рисовалось *графомъ де Бальменомъ* (здѣсь убитымъ) и воспѣвалось *Амосовымъ*. Такъ, въ *Гогатлѣ*, когда у *Лидерса* разъ собрались узнать, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ ушиба, *Лидерсъ* просилъ и не говорить объ ушибѣ и приказалъ дать шампанскаго, и когда бокалы наполнились, то *Амосовъ* запѣлъ:

Нашъ храбрый генераль,
Прогнавъ черкесь къ шайтану,
Шампанскаго намъ даль,
По полному стакану.
Ура! Ура!
Чеченскій нашъ отрядъ. Ура!

Князь *Дундуковъ* рассказываетъ, что была сочинена длинная пѣснь, на голосъ тогда извѣстной пѣсни: „messieurs les etudiants, s'en vont à la chaumière“ и по случаю оставленія неприятелемъ *Андійскихъ* воротъ и несбывшихся надеждъ на бой сочинили:

Les portes de L'Andie
Sont comme des portes cocèges,
En haut il est écrit:
Vous n'entrerez sans faire
La guerre toujours,
La nuit et comme le jour.

Впослѣдствіи на сухарную экспедицію подъ начальствомъ *Клюки фонъ Клюгенау* пѣли:

La général Klouxa
Dans l'affaire des biscuits
Ne nous rapporta
Que des blessés et lui
La guerre etc.

Только отрывки изъ этой длинной пѣсни сохранились въ памяти князя *Дундукова* и барона *Дельвига* и, судя по нимъ, она остроумна и подъ видомъ шутки и въ намекахъ высказываетъ немало истинъ. *Б. К.*

наповаль пульей въ лобъ. Это былъ достойный и прекрасный человекъ и одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, о смерти которыхъ сохранишь вѣчное сожалѣніе.

Смерть подкашиваетъ своей косою почти всегда лучшихъ людей.

3-й баталіонъ Апшеронскаго полка имѣлъ 800 штыковъ, мой баталіонъ, имѣвшій въ началѣ кампаніи 700 штыковъ, теперь понизился до 500 и, главнымъ образомъ, благодаря описаннымъ мною страданіямъ на „холодной“ горѣ.

Чтобы прикрыть все, порученное мнѣ для обороны, мнѣ пришлось сильно растянуться и, показывая силу, скрывать свою слабость.

Впрочемъ, занимаемая мною позиція была очень сильна, а въ случаѣ опасности развалины аула Гогатль могли послужить мнѣ опорнымъ пунктомъ, и никакой противникъ не могъ бы меня оттуда выбить.

Мое отдѣльное расположеніе снова вынудило меня прервать сношенія съ Главной квартирой. Тамъ еще не потеряли надежды на добровольную сдачу андійцевъ, что думали ускорить нашимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ горахъ и все еще надѣялись, что жители Дагестана сумѣютъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Шамиля, поймутъ свои интересы и что увидятъ, наконецъ, въ насъ своихъ избавителей, а не враговъ. Въ Главной квартирѣ убаюкивали себя надеждой, что жители съ благодарностью примутъ тутъ же предложенную имъ нами помощь и поддержку, мечтая, что успѣхъ нашего оружія и прокламаціи и слова мира, исходящія изъ нашего лагеря, разорвутъ узы подчиненія различныхъ народностей Шамилю — главному препятствію нашего владычества на Кавказѣ.

Всѣ эти предположенія были ошибочны, и истинное впечатлѣніе, произведенное на противника занятіемъ нами Андіи, было или мало извѣстно, или недостаточно оцѣнено.

Страхъ — лучшій стимуль для воздѣйствія противъ азіатскихъ народностей. Для азіата власть сильна только тогда, когда она исходитъ отъ воли безграничной и безконтрольной, когда изображеніе этого всемогущества для толпы видится сквозь призму ужаса и непроницаемой тайны. Русскіе же начальники почти всѣ доступны, не имѣютъ никакого престижа въ глазахъ горцевъ, слишкомъ добродушны для внушенія страха, и азіаты боятся только русскихъ пушекъ и штыковъ, но никогда, — ни ихъ гнѣва, ни ихъ мщенія; русскіе страшны только во время боя, а послѣ боя — прощаютъ, ласкаютъ, братаются; ихъ всегда можно обойти, ихъ негодованіе не требуетъ даже наказанія вчерашняго измѣн-

ника, въ сотый разъ предававшего ихъ непріятелю; того, кого столько разъ обманывалъ и предавалъ, того, разсуждаютъ азіаты, всегда можно легко обмануть и еще.

Съ Шамилемъ же дѣло обстоитъ совершенно иначе: съ нимъ нельзя не считаться, съ нимъ нельзя вести двойной игры и держаться середины. Съ Шамилемъ нужно выбирать между смертью и безграничной преданностью; при малѣйшемъ подозрѣніи — отсѣкаютъ голову и, разъ Шамилемъ произнесенъ приговоръ, никуда не уйдешь отъ его мюридовъ.

Мы же, наоборотъ, ни въ Дагестанѣ, ни въ Чечнѣ, не въ состояніи ни наказывать преступниковъ, ни оказывать покровительство и помощь нашимъ друзьямъ.

Оставаться вѣчно въ горахъ мы не можемъ, а послѣ нашего отъѣзда, какая участь ожидаетъ тѣхъ, которые перейдутъ на нашу сторону? ¹⁾

При данныхъ условіяхъ силы и могущества Шамиля, единственнымъ способомъ избѣжать его мщенія остается слѣдовать за русскими, эмигрировать и горы, и лѣсъ бросить для равнины. Но сколько разъ слышалъ я отъ моего стараго Муссы, бѣжавшаго изъ Андіи при первоначальномъ занятіи ея мюридами, что лучше жить въ лохмотьяхъ въ горахъ, чѣмъ въ богатствѣ на равнинѣ и что всѣ сокровища земли не стоятъ капли воды изъ родника родной земли.

До сихъ поръ Шамиль не терялъ насъ изъ виду, дѣйствуя по отношенію насъ съ необыкновенной осторожностью и недоувѣріемъ, по отношенію же своихъ, въ цѣляхъ объединенія и подчиненія себѣ, проявлялъ силу и страшную энергію. Палачи его не переставали отсѣкать головы, что происходило вблизи нашего лагеря, и къ этимъ отсѣченнымъ головамъ привязывались надписи: „такая же судьба ожидаетъ всякаго мусульманина, который заговоритъ о мирѣ съ русскими“. Мѣры эти достигли своей цѣли: передъ мечемъ и сѣкирой исчезла всякая оппозиція, и мы не только что лишились всѣхъ своихъ партизановъ; но уже не находили и лазутчиковъ.

Намъ оставалось довершить вторую половину кампаніи взя-

¹⁾ Всѣ эти глубоко-вѣрныя соображенія, показывающія пониманіе Бенкендорфомъ условія войны на Кавказѣ и раздѣляемая кавказскими офицерами, совершенно не принимались въ соображеніе Петербургомъ, составившимъ планъ покоренія вообще и экспедицій въ частности.

тіємъ и разрушеніемъ Дарго, что громко отозвалось бы повсюду, и уравнило бы шансы начатой борьбы ¹⁾).

Доставка генераломъ *Викторовымъ* транспорта съ десятидневнымъ довольствіемъ давала графу Воронцову полную свободу дѣйствій и избавляла его на нѣкоторое время отъ всѣхъ тѣхъ помѣхъ и вѣчныхъ затрудненій, которыя въ дальнихъ экспедиціяхъ вызываются обыкновенно вопросомъ снабженія.

Поминутно приходится мнѣ называть лицъ, которыя болѣе уже не существуютъ!..

Викторовъ—почтенный и благородный, человекъ—внѣ всякаго упрека, уважаемый всѣми, кто только его зналъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого солдаты на своемъ простомъ языкѣ называютъ— „старый кремень“.

Ему было около 60-ти лѣтъ, онъ воевалъ въ молодости и страстно любилъ военное дѣло. Назначенный на должность, исключавшую участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (начальника жандармскаго управленія Кавказскаго округа), генералъ *Викторовъ*, въ предвѣдѣніи экспедиціи, не могъ спокойно оставаться дома, и графу Воронцову пришлось уступить его настоятельнымъ и настойчивымъ просьбамъ и назначить въ экспедицію этого года; будь иначе, и не участвуя въ дѣлахъ, онъ бы умеръ въ Тифлисѣ отъ тоски. Не подозрѣвая, что эта кампанія будетъ ему послѣдней, онъ присоединился къ намъ, и въ лѣсахъ Ичкеріи ему выпала честь, принадлежащая по праву людямъ его закала, — пасть смертью храбрыхъ.

День 5-го іюля былъ назначенъ днемъ выступленія и взятія Дарго; дороги, туда ведшія, были изслѣдованы, въ направленіяхъ къ Дарго были исполнены развѣдки и съ вечера были установлены и приняты необходимыя мѣры.

Каждый изъ насъ зналъ напередъ свою роль въ этотъ великій день, и каждый напередъ могъ или убаюкивать себя мечтами о славѣ, или быть предоставленъ той душевной борьбѣ, которой, зачастую, подвергается энергія мужественнаго бойца передъ мрачнымъ предчувствіемъ, которое представляетъ его воображенію увѣренность и близость страшной и неминуемой опасности.

Насколько короткой кажется ночь въ эти критическія минуты!!

Какъ рано встаетъ солнце! Какъ прекрасна жизнь повсюду, исключая того мѣста, гдѣ теперь находишься! Сколько нужно силы

¹⁾ Здѣсь Бенкендорфъ неправъ, вышло не только хуже, но совсѣмъ скверно, хотя если бы гр. Воронцовъ дѣйствовалъ осмотрительнѣе, то не было бы такъ плохо.

воли, чтобы побороть себя и казаться такимъ, какимъ желаешь себя показать въ день боя! Высказаться въ испытываемомъ чувствѣ не посмѣешь лучшему другу, скрываешь его отъ самого себя самому себе не посмѣешь сознаться въ этомъ чувствѣ, но пуще всего не осмѣлишься даже самому себе назвать это чувство.

А между тѣмъ это чувство тѣтъ, на-лицо, оно давить васъ, гложетъ и преслѣдуетъ до перваго полученнаго вами приказанія, до минуты пробитія барабанами сигнала подъема, до перваго поданнаго вами боевого сигнала, до первой просвистѣвшей у вашихъ ушей пули!!.

Все тогда забыто, — существованіе, предчувствія, счастье и радости жизни и передъ вами только чувство долга и чести! ¹⁾

Вечеръ 4-го іюня былъ теплый, тихій и ясный, одинъ изъ лучшихъ вечеровъ, который я сохранилъ въ своей памяти. *Баронъ Николаи* ²⁾ и *Лобановъ* пришли поужинать со мной и сидѣли до полуночи. Я потомъ проводилъ ихъ съ десяткомъ моихъ егерей черезъ груды развалинъ и глубокіе овраги, которые отдѣляли мой небольшой отрядъ отъ большого лагеря.

За каждымъ угломъ стѣны мы могли наткнуться на мародеровъ непріятеля, но только кошки, единственные обитатели развалинъ, были невольной причиной нашихъ тревогъ. Вернувшись, я еще разъ обошелъ передовые посты и, успокоенный найденной всюду бдительностью и порядкомъ, улегся на коврѣ, служившимъ мнѣ кроватью и не для того, чтобы мечтать о славѣ или бороться съ предчувствіями смерти, а просто—чтобы заснуть.

Но не успѣлъ я заснуть, какъ внезапно былъ разбуженъ звуками выстрѣловъ, слѣдующихъ одни за другими, и свистомъ цѣлаго града пуль. Въ одинъ мигъ я очутился у орудія, составлявшаго центръ моего расположенія. Гиканіе и крики—„гяуръ!“ все увеличивались. Ночь была темная и послѣ cadaго выстрѣла казалась еще темнѣе. Я приказалъ частямъ, выдвинутымъ впередъ, оставаться на мѣстѣ, что въ подобныхъ случаяхъ служить единственнымъ средствомъ сохранять порядокъ у себя и вызывать его у противника, приходящаго обыкновенно въ смущеніе при встрѣчѣ спокойнаго и хладнокровнаго отпора. Я собралъ своихъ людей за орудіемъ, заряженнымъ картечью, и когда мы осмотрѣлись, и когда я убѣдился, что непріятель ограничивается беспорядочной стрѣльбой,

¹⁾ Какъ это искренно и правдиво, съ чѣмъ согласится каждый, бывавшій въ подобной обстановкѣ.

²⁾ Александръ Павловичъ, впоследствии завѣдующій гражданской частью управленія Кавказа и министр народнаго просвѣщенія.

не наступая, и только оглушаетъ насъ своимъ гикомъ, то я послалъ *Колубакина* выбить горцевъ и избавить насъ отъ нихъ, давъ намъ возможность вернуться къ отдыху и сну.

Черезъ часъ все успокоилось, намъ это стоило часа сна, а главная квартира и лагерь получили лишнее чудное зрѣлище. Картина должна была быть дѣйствительно эффектной и живописной: темная, какая только бываетъ на югѣ ночь, освѣщенная только тысячью зигзаговъ безчисленныхъ выстрѣловъ и оживленная только дикими криками горцевъ, криками „ура“ русскихъ и звуками нашихъ сигнальныхъ рожковъ. Все это происходило въ самомъ темномъ мѣстѣ долины, такъ что не былъ потерянъ ни одинъ свѣтовой эффектъ и всѣ могли любоваться зрѣлищемъ; никакой фейерверкъ не могъ быть красивѣе.

Мой сонъ былъ настолько потревоженъ этимъ происшествіемъ, что я былъ совсѣмъ разбитъ, когда мнѣ пришлось встать, чтобы поднять нашъ лагерь, навьючить лошадей и выступить въ походъ.

Для обезпеченія нашихъ сообщеній съ Чиркеемъ, у Гогатля оставлена часть 2-го баталіона Прагскаго полка подъ начальствомъ полковника *Бельгарда*. Весь же главный отрядъ въ составѣ 13-ти баталіоновъ, 16-ти орудій и милиціи повернулъ къ сѣверу и покинулъ Андію ¹⁾.

Мы поднялись по длинному скату, который составляетъ южный склонъ гребня, отдѣляющаго Андію отъ Чечни. Мы прошли у подножія стѣны изъ остроконечныхъ скалъ, поднимающейся со стороны Гумбета и служащей издали, со стороны равнины, маякомъ для ориентированія среди неровностей, составляющихъ гребень этой части Лезгистана. Поднявшись на вершину, мы продолжали слѣдованіе черезъ очень узкое дефиле, и не имѣя возможности развернуться въ ширину, наша колонна очень растянулась.

Характеръ мѣстности не измѣнился, мы все еще находились въ этой промежуточной (между Дагестаномъ и Чечней) части,—безплодной, лишенной деревьевъ, имѣющей лишь плоскія и рѣдкія настища, которыя отъ подножія высокаго гребня простираются до предѣловъ нагорной Чечни. Страна эта представляетъ нѣкоторое сходство съ нѣмецкимъ Шварцвальдомъ.

Мы прошли, примѣрно, уже верстъ 12 пути, когда увидѣли, что чины Главной квартиры расположились на холмахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, подобно тому, какъ, двигаясь на равнинѣ, казачьи разъѣзды выѣзжаютъ на курганы для обозрѣнія мѣстности.

¹⁾ Въ общемъ, въ составѣ около 8.500 штыковъ и пашекъ, т. е. 8.500 бойцевъ.

Что за неоцѣненное сокровище имѣеть Россія въ своихъ многочисленныхъ казачьихъ населеніяхъ, которыя служатъ, не только оплотомъ противъ нашествій, но и первыми этапами на пути завоеваній къ югу, и мы живемъ спокойно подъ охраной этихъ воиновъ съ длинными пиками, сторожащихъ Россію съ кургана на курганъ отъ береговъ Дуная до Кяхты.

Приказано стать всѣмъ на большой приваль на 4 часа; солдаты развели костры изъ принесенныхъ съ собой полѣньевъ и поставили на огонь свои котелки.

Контрфорсъ горъ, по которому мы двигались, кончаясь почти остріемъ, вынудилъ насъ стѣсниться до возможной степени на послѣднемъ уступѣ этого длиннаго языка. У самыхъ нашихъ ногъ разстилалась Ичкерія. Это было чудное зрѣлище необозримыхъ лѣсовъ, которое войска привѣтствовали долгими криками „ура“, переходившими отъ баталіона къ баталіону, по мѣрѣ того, какъ они достигали мѣста бивака. Для войскъ это былъ какъ бы выходъ изъ тюрьмы; они достигли земли, знакомой имъ съ дѣтства, гдѣ они найдутъ кое-какія средства, скрашивающія жизнь на бивакѣ: дрова, сѣно, солому, изрѣдка фрукты и овощи и гдѣ они могутъ наконецъ проститься съ пропастями Дагестана, внушавшими имъ только ужасъ и отвращеніе.

Для офицеровъ представлялось тоже нѣчто новое, а все новое очень цѣнится въ боевой жизни, гдѣ столь живо чувствуется потребность возбужденій и ощущеній, что составляетъ поэзію военнаго ремесла; если бы разнообразіе событій не заставляло бы вибрировать сердце, то явилось бы усыпленіе, чувство скуки и сожалѣніе посвященія лучшихъ годовъ своей жизни монотоннымъ занятіямъ подъ однообразный бой барабана. Для многихъ изъ насъ это первоначальное радостное чувство скоро замѣнилось бы разсужденіями тягостнаго свойства.

Къ тяжелымъ воспоминаніямъ лѣснаго похода въ Чечнѣ въ 1842 г. (графа Граббе), къ памяти кровавыхъ эпизодовъ и эпизодовъ рѣзни этой экспедиціи ¹⁾ теперь присоединилось еще и недостаточное довѣріе въ отрядъ къ распоряженіямъ штаба отряда по обезпеченію порядка движенія и его охраненія, штаба, состоявшаго изъ людей,

¹⁾ Исполненной подъ давленіемъ, руководствомъ и наблюденіемъ самаго военнаго министра графа Чернышева, мнившаго изъ себя знатока военнаго дѣла, нарочно прибывшаго для этого на линію и лично встрѣчавшаго у Герзель-аула ужасное обратное возвращеніе отряда изъ этой кровавой и зловреднѣйшей для насъ по результатамъ и послѣдствіямъ бѣдственной экспедиціи 1842 года.

совершенно чуждыхъ веденію войны на Кавказѣ¹⁾; особенно были подвержены критикѣ распоряженія по нашему отряду на этотъ день²⁾.

Вообще же находили, что въ экспедиціонномъ корпусѣ недостаточно считались съ опытомъ прошлаго, сожалѣли, что были устранены люди опыта³⁾, между тѣмъ какъ прибывшіе изъ Россіи новички проводили свою скороспѣлую науку, примѣняли на практикѣ свои теоріи, придуманныя въ мирное время, и свои правила для боя, составленныя вдали отъ боевой дѣйствительности⁴⁾.

И въ этомъ обвиненіи была своя доля правды⁵⁾; досужіе люди лагеря подхватывали эти обвиненія, чтобы еще болѣе выдвинуть ихъ значеніе⁶⁾.

Между старыми кавказскими войсками и вновь прибывшими изъ Россіи существовало извѣстное чувство соревнованія: у однихъ (кавказцевъ) было чувство презрѣнія⁷⁾, у другихъ (такъ наз.

¹⁾ Это совершенно вѣрно. Уже въ бывшемъ штабѣ ген.-адъют. Нейдгарта (предшественника гр. Воронцова), присоединеннаго Воронцовымъ къ своему штабу, было много новыхъ для Кавказа офицеровъ, гр. Воронцовъ привезъ еще своихъ новыхъ, а штабъ Чеченскаго отряда ген.-адъют. Лидерса (весь штабъ V корпуса) состоялъ сплошь изъ офицеровъ, впервые бывшихъ на Кавказѣ, и это уже не была вина Воронцова, ибо составъ Чеченскаго отряда и его штабъ были указаны распоряженіемъ изъ Петербурга, попеченіемъ графа Чернышева, равно какъ и планъ этой экспедиціи. Остается только удивляться этому вмѣшательству Петербурга и этому полному игнорированію знаній и опыта кавказскихъ дѣятелей. Послѣ 1845 г. гр. Воронцовъ открылъ борьбу съ этимъ вмѣшательствомъ и во многомъ преуспѣлъ. Б. К.

²⁾ Дѣйствительно, этотъ 20-ти верстный переходъ прямо въ Дарго, съ прохожденіемъ 5-ти верстнаго лѣснаго перешейка являлся необдуманнѣйшимъ и опаснѣйшимъ предпріятіемъ, а незанятіе опорныхъ пунктовъ перешейка погубило всю экспедицію, вызвавъ чудовищныя и невозвратимыя потери при троекратномъ прохожденіи лѣснаго перешейка. Б. К.

³⁾ Начиная съ князя Аргутинскаго и Фрейтага и другихъ, бывшихъ даже въ составѣ отряда, какъ—Лабынцевъ, Ковалевскій.

⁴⁾ Науку, вынесенную, преимущественно, изъ Красносельскаго лагеря, такъ какъ тогда упражненія этого лагеря считались верхомъ военнаго искусства и съ возарѣніями, въ немъ вырабатывавшимися, считалась даже академія и курсы тактики, хотя всѣ маневры и производились смотровымъ порядкомъ.

⁵⁾ Даже незлобивый, деликатный и сдержанный Бенкендорфъ не удержался отъ критики этого нецѣлесообразнаго и бѣдственнаго похода.

⁶⁾ Въ изобиліи досужихъ людей виноватъ и самъ графъ Воронцовъ, грубо нарушившій правило, вѣрифе—заковъ, чтобы въ штабахъ не было лишнихъ людей и вообще ни одного человѣка, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій.

⁷⁾ Это презрѣніе исходило изъ сознанія своего боевого и вообще военнаго въ широкомъ значеніи слова превосходства, которымъ были проникнуты одинаково и офицеры и нижніе чины Кавказскаго корпуса.

россійскихъ войскъ)—было грубое осужденіе; насъ, старыхъ кавказцевъ, считали недисциплинированными разбойниками ¹⁾).

Къ счастью, выше всѣхъ этихъ осужденій и внѣ общественной немилости, которой подверглись нѣкоторые частные начальники ²⁾, стояла личность графа Воронцова и стояла высоко въ общемъ уваженіи, и въ сердцѣ cadaго царило безграничное къ нему довѣріе, и это отношеніе войскъ къ нему обезоруживало самыхъ необузданныхъ. Въ войскахъ, искусившихся въ войнѣ, подобно кавказскимъ, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, схватываютъ на-лету всѣ качества и недостатки своего предводителя, отъ нихъ уже ничто не ускользнетъ, а потому ихъ одобреніе, идущее прямо отъ сердца,—наиболѣе лестно и суть лучшая—какую только можно получить—награда.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.



¹⁾ Любопытно, въ этомъ отношеніи, повторяемость явленій и въ 1877 г. между кавказскими войсками и пришедшими изъ Россіи немедленно установились тѣ же отношенія, даже примѣнялся по отношенію побѣдоносныхъ кавказскихъ войскъ этотъ послѣдній эпитетъ.

²⁾ Къ таковымъ слѣдуетъ отнести большую часть бригадныхъ и полковыхъ и чиновъ штаба частей, пришедшихъ изъ Россіи, какъ г.-м. *Бюльевскій*, полковникъ *Мильковскій* и др., а изъ кавказцевъ—Клюки фонъ Клюгенау или ген. Клюха, какъ называли его солдаты; Клюгенау сильно осуждали въ отрядѣ за сухарную окказію 11 и 12 іюля.